

Глава 250: Дарует жизнь бесконечным переменам солнца и луны!

Мэн Хао нахмурился. Он и Чжоу Дэкунь может и не испытывали особой любви к Подразделению Мировой Пилюли, но во время их лекции они просто беседовали. В их действиях не было ничего такого, что можно было посчитать вызывающим или агрессивным. Резкие и прямолинейные слова Чэнь Цзяси больше напоминали выпад мечом. Подразделение Мировой Пилюли открыто атаковало Чжоу Дэкуна, но не чтобы пристыдить его лично, а все Подразделение Пилюли Востока. Они хотели за счет уничтожения Мэн Хао и Чжоу Дэкуна поднять собственный престиж. Если Мэн Хао и Чжоу Дэкунь сегодня им уступят, не сложно догадаться с какой скоростью эта новость облетит весь Южный Предел. Подразделение Пилюли Востока потеряет лицо, а Мэн Хао и Чжоу Дэкунь станут посмешищем. Для алхимика нет ничего важнее репутации.

Именно об этом сейчас думал Чжоу Дэкунь. Посерьезневший старик Чжоу взглянул с платформы на горделиво задравшего подбородок Чэнь Цзяси. Чэнь Цзяси уверенно встретил его взгляд своим. Он с нетерпением ждал этого дня уже очень долго. Учитывая его навыки в Дао алхимии его можно было отнести к Избранным Подразделения Мировой Пилюли, к тому же в искусстве дебатов в Секте мало кто мог с ним сравниться. Когда он узнал, что Секта Черного Сита одновременно пригласила к себе алхимиков из Подразделения Пилюли Востока и Мировой Пилюли, то сразу понял, что лучше возможности для поднятия собственного статуса не придумать, не важно на какие меры для этого придется пойти... Для любого алхимика самый простой и эффективный способ прославиться — это унижить Мастера Тиглей Подразделения Пилюли Востока.

От одной мысли о предстоящем представлении он возбуждённо поежился. Глядя на Чжоу Дэкуна, он видел не Практика, а просто лестницу к славе. "Когда я расправлюсь со старикашкой и этим нахальным юнцом из Подразделения Пилюли Востока, — подумал он, — имя Чэнь Цзяси станет известным внутри и за пределами моей Секты!" Ли Имин, стоящий рядом с Чэнь Цзяси, вынашивал похожие планы. Чжоу Дэкунь отвернулся от них и продолжил читать лекцию.

— Существует три царства трав и растений. Первое состоит из сотни тысяч целебных трав. Второе...

На этом момент его прервал демонстративно громкий смех Чэнь Цзяси, после чего тот хлопнул по столу и поднялся из-за стола.

— Грандмастер Чжоу Дэкунь, Мастер Тиглей Подразделения Пилюли Востока, только не говори мне, что ты отказываешь другому Собрату Даосу в праве задавать вопросы или ставить под сомнение содержание лекции? Ты напуган или просто несешь чепуху? Или... ты пытаешься обдурить Собратьев Даосов из Секты Черного Сита?

Произнес он всё это с неприкрытым сарказмом и презрительной ухмылкой. Глубоко в душе он уже самонадеянно полагал, что выиграл! Чжоу Дэкунь гневно повернулся к Чэнь Цзяси. Он не мог больше прикидываться, что не слышит наглые обвинения в свой адрес, ведь теперь они были направлены не только на него, а на все Подразделение Пилюли Востока. Он обязан

ответить, даже если эти нападки не имеют под собой почвы.

Реакция Чжоу Дэкуна лишь прибавила уверенности Чэнь Цзяси. Перед отправкой в Секту Черного Сита он навел справки и выяснил, что Чжоу Дэкунь будет частью делегации Секты Пурпурной Судьбы. Старик обладал определенной репутацией и был довольно известен, но Чэнь Цзяси не сомневался в превосходстве собственного понимания Дао алхимии.

Ученики Секты Черного Сита на площади с все возрастающим восторгом наблюдали за двумя алхимиками. Большинство присутствующих являлись учениками Конклава, они, включая Хань Бэй, с улыбкой наблюдали за противостоянием между Подразделением Пилюли Востока и Мировой Пилюли. Три Патриарха стадии Зарождения Души медитировали с закрытыми глазами и не вмешивались. Судя по всему, они с превеликой радостью готовы наблюдать за конфронтацией алхимиков.

— Грандмастер Чжоу, твой сердитый взгляд на меня не действует, — самоуверенно произнес Чэнь Цзяси, — ты так и не объяснил, что такое наивысшая Истина.

Его интонация звучала совершенно нормально, но глаза Чэнь Цзяси издевательски блестели, что не могло не вывести из себя Чжоу Дэкуна.

— Истина выражается в форме правил, — ответил он, чеканя каждое слово, — вне зависимости от неисчислимого множества вариаций, правила навсегда будут существовать в твоём сердце. Благодаря неизменности правил становится возможным стимулировать десятки тысяч целебных трав. К тому же, подтверждая Истину Дао алхимии, становится возможным создать алхимические рецепты. С просветлением человек может почувствовать всю необъятность того, что мы зовём путем алхимии. Бесконечный поиск — вот истинная цель!

Чэнь Цзяси пораженно застыл, он никак не ожидал такого ответа от Чжоу Дэкуна. На самом деле до встречи с Мэн Хао Чжоу Дэкунь никогда бы не сказал чего-то подобного. Но их недавняя дискуссия лишь подтвердила его предыдущие наблюдения и трактовки, а также подарила ему новое просветление. Чэнь Цзяси и Ли Имин нахмурились. После этих слов лица слушателей озарило понимание.

— Грандмастер Чжоу, я не могу согласиться с твоим объяснением, — сказал Чэнь Цзяси с блеском в глазах. С этого момента он перестал смотреть на Чжоу Дэкуна сверху вниз и начал воспринимать его всерьёз. — Если «Я» — неизменно, — произнес он медленно, — откуда тогда берутся бесконечные вариации?! «Я» подобен реке. Река не способная течь вперед высыхает. Бегущая вода обеспечивает никогда не кончающееся течение реки. Также изменчивое «Я» обеспечивает продолжение существования!

После его слов выражение лица Чжоу Дэкуна изменилось, он хотел было возразить, но Чэнь Цзяси не дал ему такой возможности.

— Может ли дерево оставаться недвижимым среди бушующего ветра? Единственное дерево способное на такое... может существовать только на холсте в виде картины! Движение дерева

доказывает его собственное существование и существование порывов ветра! Грандмастер Чжоу, ты утверждаешь, что «Я» неизменно. Курам на смех! Возможно именно по этой причине ты до сих пор не стал Пурпурным Мастером Тиглей. Твое понимание Дао алхимии делает тебя похожим на цветок, влюбленный в собственный аромат! Ты просто охоч до славы и приятных слов! Единственное место, где ты можешь стать Пурпурным Мастером Тиглей — в детской сказочке!

От этих невероятно жестоких слов Чжоу Дэкуна затрясло.

— Ты... ты... — старик Чжоу ткнул пальцем в говорящего, пытаясь подобрать слова.

— Что я? Только не говори мне, что ты лишился дара речи? Неподвижная река — это только лишь стоялая, мертвая вода. Неподвижное дерево может существовать только на картине. Грандмастер Чжоу, ты очевидно живешь в мире стоялой воды, в мире, где плывущие по небу облака ни во что не ставят. А теперь ответь, не ты ли пытаешься поймать на крючок славу?[1] Твой мир — картина, ты игнорируешь Небо и Землю и живешь в блаженном неведении перед великолепием мира снаружи. Я повторю, ты цветок, влюбленный в собственный аромат. По-твоему, я неправ?

Голос Чэнь Цзяси с каждой фразой становился громче. К концу его тирады Чжоу Дэкунь окончательно побелел, а его глаза были готовы выкатиться из глазниц. Его оппонент исказил смысл его слов, но в тоже время слова самого Чэнь Цзяси казались довольно разумными. В голове старика Чжоу роились ответные слова, но он просто не мог заставить их прозвучать вслух.

— Вздор! — яростно воскликнул он.

На этом моменте Мэн Хао невольно вздохнул.

— Вздор? — спросил Чэнь Цзяси. — Отлично. Позволь мне объяснить тебе, что на самом деле такое Истина! Принимая во внимание существование Инь и Ян, луны и солнца, в великом мире алхимии безграничное солнце есть Ян, который охватывает всё, что способно гореть и плавиться — это алхимическая печь! Яркая луна есть изменчивый Инь, он является алхимическим рецептом! Вот это Истина! Грандмастер Чжоу, если ты действительно находишься на вершине Дао алхимии, посмеешь ли ты утверждать, что алхимическая печь, символизирующая безграничное солнце, может существовать у тебя в сердце? Хватит ли тебе наглости заявлять, что луна, символизирующая неисчерпаемые алхимические рецепты, может скрываться в глубинах твоего сердца? Кажется, я еще мягко выразился, когда сравнил тебя с человеком, который хочет поймать на крючок славу, и с цветком, влюбленным в собственный аромат!

Ответом на его обвинения была тишина. Слова Чэнь Цзяси эхом прокатились по всей площади. Ученики Секты Черного Сита выглядели ошарашенными. Патриарх Пурпурное Сито и красивая женщина открыли глаза и с интересом посмотрели на Чэнь Цзяси. Чжоу Дэкуна трясло, он хотел ответить, но у него в голове царил хаос. Взгляды всех присутствующих были

прикованы к нему. Такое публичное осмеяние было настолько возмутительным, что старик Чжоу просто лишился дара речи. Когда он уже собирался ответить хоть что-то, неожиданно раздался холодный голос Мэн Хао.

— У меня, Фан Му, есть парочка вопросов.

Он поднялся, перелетел на платформу и встал рядом с Чжоу Дэкунем. Сейчас Чжоу Дэкунь смотрел на Мэн Хао как на родного. Он лично на себе испытал всю остроту языка Мэн Хао. Сделав глубокий вдох, он молча отошел на несколько шагов назад, счастливо уступив Мэн Хао центр платформы. Холодный взгляд Мэн Хао скользил по толпе, пока не остановился на Чэнь Цзяси.

— Не мог бы ты пояснить подробнее? — с фальшивой улыбкой спросил Чэнь Цзяси.

Внешне он сохранял маску равнодушия, но внутри он сохранял хладнокровие. О Фан Му ему было практически ничего не известно, но судя по их короткой стычке у входа в Секту, он был не из тех, с кем стоит без причин связываться. Но он верил в собственное Дао алхимии, к тому же Фан Му не совсем честно стал Мастером Тиглей, поэтому Чэнь Цзяси был абсолютно уверен в собственном превосходстве.

Все собравшиеся ученики Секты Черного Сита смотрели на Мэн Хао. Хань Бэй прищурилась, дабы скрыть блеск в глазах. Сейчас все внимание было приковано к Мэн Хао, даже красивая женщина рядом с Патриархом Пурпурное Сито с недоумением смотрела в его сторону. Для большинства учеников Секты Черного Сита слова Чэнь Цзяси прозвучали весьма разумно.

— У меня всего три вопроса, — невозмутимо начал Мэн Хао, — первый вопрос касается Истины. Ты упомянул солнце и луну. Безграничное солнце, по твоим словам, есть алхимическая печь, а яркая луна есть алхимический рецепт. Позволь спросить, кто изобрел алхимические печи, и кто придумал алхимический рецепт?

— Грандмастер Фан, вы совсем ничего не знаете о Дао алхимии? — рассмеялся Чэнь Цзяси. — Древние наблюдали за безграничным солнцем и вдохновлялись им при ковке алхимической печи. Что до алхимического рецепта, древние обрели просветление у луны, а затем записали неисчислимое количество вариаций трав и растений. Поэтому я сказал, что безграничное солнце есть алхимическая печь, а яркая луна есть рецепт. Солнце и луна — это кузница, порождающая всё сущее!

По толпе прокатился восторженный шепот. Мэн Хао ответил в невозмутимой манере:

— Безграничное солнце — это небесное тело на небосводе, его слепящее сияние не позволяет увидеть остальные звезды. Когда древние смотрели вверх, они смотрели не на солнце, а на небо! Ты обвинил Грандмастера Чжоу в желании поймать на крючок славу. Тогда ты, Грандмастер Чэнь, лягушка на дне колодца, которая глазеет на палящее солнце, но не может увидеть небо, держащее в себе это самое солнце! Луна еще одно небесное тело, среди многих, его часто можно увидеть на ночном небе. Из-за существования темноты и света люди верили в

постоянную смену ночного неба и светлого дня. В действительности среди всех небесных тел неподвижна лишь одна вещь — сами Небеса! Ты сравнил Грандмастера Чжоу с цветком влюбленным в собственный аромат. Я говорю, что ты, Грандмастер Чэнь, человек узколобый. Ты, ничтожный алхимик, имеешь наглость заявлять, что солнце и луна — кузница, давшая жизнь всему сущему! Раз уж ты выставляешь на всеобщее обозрение, насколько ты себя переоцениваешь, я, Фан Му, так и быть объясню. Если солнце и луна — это кузница, давшая жизнь всему сущему, тогда именно кузница Небес дарует жизнь бесконечным переменам солнца и луны!

Последняя фраза Мэн Хао прозвучала, как раскат грома, который ударил Чэнь Цзяси в самое сердце.

[1] Обр. в знач.: не брезговать никакими средствами ради приобретения славы. — Прим. пер.

<http://tl.rulate.ru/book/96711/62503>